УДК 21:322
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-35-50

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ В. И. ЛЕНИНА К ПРАВОСЛАВНОМУ ДУХОВЕНСТВУ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 Г.

Ивашов Л. Г.[1], Хмуркин Г. Г.[2]
[1] Академия геополитических проблем
109 552, Москва, Рязанский пр-т, д. 74, корп. 1, Российская Федерация
[2] Институт российской истории РАН
117 292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация

Аннотация.
Цель. Анализ основных источников концепции отдельных отечественных исследователей о массовом уничтожении духовенства в первые годы советской власти.
Процедура и методы исследования. В статье рассмотрены три наиболее часто цитируемых источника, приведены результаты проверки их достоверности, проанализирован исторический контекст их возникновения, а также последовавшие за ними события. Проведено сопоставление с другими источниками; сделан вывод о том, каково было положение духовенства и каковы были взаимоотношения между Лениным и духовенством в 1917 – середине 1920-х гг.
Результаты проведённого исследования. Показана несостоятельность точки зрения о массовом уничтожении духовенства в первые послереволюционные годы, приведены иллюстрации вполне доброжелательного отношения Ленина к духовенству и положительного характера ленинских преобразований, коснувшихся религиозной жизни народа.
Теоретическая/практическая значимость. Результаты исследования повышают строгость историко-политического осмысления и описания церковно-государственных отношений в первые послереволюционные годы.

Ключевые слова: В. И. Ленин, Русская Православная Церковь, духовенство, революция и гражданская война в России, террор

TO THE QUESTION OF V. I. LENIN'S ATTITUDE TOWARDS THE ORTHODOX CLERGY AFTER 1917

L. Ivashov, G. Khmurkin
[1] Academy of geopolitical problems
74/1, Ryazansky prospect, Moscow, 109 552, Russian Federation
[2] The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
19, Ulitsa Dmitriya Ul'yanova, Moscow, 117292, Russian Federation

Abstract.
Aim. To analyze the main sources of the concept pursued by individual domestic researchers about the mass destruction of the clergy in the first years of Soviet power.
Methodology. The article considers three most frequently cited sources, presents the results of checking their authenticity and analyzes the historical context of their occurrence, as well as the events that followed. The findings are subsequently compared with other sources, and a conclusion is drawn about the position of the clergy and its relationship with V.I. Lenin in the period from 1917 to the middle of the 1920s.

© CC BY Ивашов Л. Г., Хмуркин Г. Г., 2020.

Results. The study shows the inconsistency of the point of view on the mass annihilation of the clergy in the first post-revolutionary years and provides illustrations of the quite benevolent attitude of V.I. Lenin to the clergy and the positive nature of the transformations that affected the religious life of the people.

Research implications. The results of the study increase the rigor of the historical and political understanding and description of Church-state relations in the first post-revolutionary years.

Keywords: Vladimir Lenin, Russian Orthodox Church, clergy, Russian revolution, Russian Civil war, persecution, terror

Вводное слово

Фигура Ленина стала одной из крупнейших в истории XX в. Его идеи и общественно-политическая деятельность оказали влияние не только на судьбу народов СССР, но и на мир в целом. Даже сегодня, после разрушения Советского Союза, это влияние, несомненно, велико и за пределами Российской Федерации. В средствах массовой информации не утихают дебаты о Мавзолее на Красной площади. Попытки украинских политиков выставить образ Ленина в качестве символа «ненавистной России» привело к тому, что сносятся и оскверняются памятники вождю революции, обостряются отношения между братскими народами [6, с. 6]. Продолжаются дискуссии о политическом наследии вождя революции и в академической среде, до консенсуса, если он вообще возможен, здесь еще очень далеко.

Вплоть до конца 1980-х – начала 1990-х гг. личность Ленина была одним из главных, стержневых символов страны, это накладывало существенный отпечаток на его официальную биографию и презентацию в массовой культуре – изобразительном искусстве и кинематографе. Авторы следовали определенному сформировавшемуся канону жизнеописания Ленина, не раскрывались конкретные «неудобные» документы, отдельные моменты его личной жизни. Перестройка 1985–1991 гг., провозгласившая гласность и свободу слова, кардинально поменяла ситуацию: журналисты, писатели-публицисты, представители духовенства, политики и ряд профессиональных историков заполнили российскую информационную среду таким валом «сенсаций», что голоса немногочисленных серьезных лениноведов оказались едва различимы. Лавинообразный процесс искажения исторической действительности достиг своего апогея в 1990-е гг. Вместе с тем социологические опросы последних 15–20 лет свидетельствуют о наметившемся в 2010-х гг. процессе «ресоветизации» в сознании россиян [2]. Как следствие – растет и интерес к «настоящему» Ленину, к реальной истории становления первого в мире социалистического государства, интерес, не ищущий пресловутых «оправданий» или «разоблачений» и не боящийся выйти за рамки сложившихся стереотипов.

Данная публикация посвящена вопросу отношения Ленина, как политического деятеля и как человека, к православному духовенству после взятия власти в октябре 1917 г. Тема выбрана не случайно. Именно здесь мы имеем дело, с одной стороны, с множеством фактов, которые всячески пытаются замолчать, а с другой – с целым набором продуктов мифотворчества, прочно укоренившихся в общественном сознании и отчасти влияющих на научный дискурс. Попадая в средства массовой информации, последние создают благоприятные условия для взаимных обвинений и споров между двумя, несомненно, патриотическими российскими течениями – теми, кому близки коммунистические идеалы, и теми, чей духовный поиск основан на православных ценностях.

Околоисторическая публицистика середины 1990-х гг. навязывала массовому читателю представление о Ленине как о

тиране, который, борясь с любыми проявлениями религиозности, настаивал на физическом уничтожении священников. Симптоматично, что авторы, работающие в рамках этой концепции, опираются только на три текста, один из которых – несомненная фальшивка образца 1990-х гг., приписываемая Ленину, а остальные – действительно принадлежат политику, однако обычно воспроизводятся без должных комментариев, с тем расчетом, что подготовленный другими «доводами» массовый читатель не будет заниматься научными изысканиями и выяснять, в каких обстоятельствах родился тот или иной документ, как его воспринимали адресаты, какими были его реальные последствия и т. д. Меж тем именно эти обычно опускаемые «детали» многое раскрывают, и прежде всего – то, что оба настоящих распоряжения Ленина ставили задачу *сохранить возможно большее число человеческих жизней* в немыслимо сложной экономической и военно-политической обстановке.

Основная цель настоящей публикации – проанализировать все три упомянутых текста.

«Указание № 13666/2»

В сети Интернет и отчасти в печатных источниках получило широкое распространение следующее «указание» под номером 13666/2, якобы отданное В. И. Лениным и М. И. Калининым председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому от 1 мая 1919 г. с требованием «как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады»[1].

Для специалистов в области церковно-государственных отношений раннесоветского периода обнаружение подобного документа воспринималось бы не иначе как научная сенсация. Накопленный к настоящему моменту колоссальный фактический материал о жизни Церкви в период Гражданской войны 1918–1922 гг. рисует совершенно иную картину. Несмотря на то, что в результате революционных преобразований Церковь лишилась финансовой поддержки государства, принятые большевиками законы позволяли ей осуществлять свою деятельность без государственного финансирования, за счет верующих. На законодательном уровне за каждым советским гражданином закреплялось право участвовать в религиозных обрядах, строить храмы, проводить крестные ходы и т. д. Можно привести выдержки из основного в этой области советского закона – Декрета об отделении церкви от государства (1918 г.), который в значительной степени регулировал религиозную жизнь Советской России (его проект редактировал сам Ленин): «Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской Республики. Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности», «Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой»[2]. Глава Православной Церкви Патриарх Московский и всея России Тихон (Белавин) в 1917–1922 гг. практически каждый день проводил богослужения, нередко проходившие неподалеку от места, где работал и жил Владимир Ильич, – в Архангельском и Успенском соборах Московского Кремля, в храме Василия Блаженного и в Казанском соборе на Красной площади, а также в Храме Христа Спасителя [4, с. 295–351].

[1] Назаров Г. А. Мифы советской эпохи. М.: Алгоритм, 2007. С. 99.

[2] Цит. по: Синицын Ф.Л. «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб.: Издание А.А.Терентьева, Фонд «Сохраним Тибет», 2013. С. 402–403.

Из этого, однако, не следует, что духовенство в первые годы после революции жило без потрясений. Вспышки насилия имели место еще весной и летом 1917 г. Крестьяне, доведенные до отчаяния, в том числе солдаты, возвращавшиеся с фронта, рассуждали так: раз нет царя, значит, нет и помещика, а раз нет помещика, то и вопрос о земле уже предрешен, причем именно в том ключе, в каком мыслили себе крестьяне. Отсюда и повсеместные погромы помещичьих усадеб, захваты церковных и монастырских земель и инвентаря, убийства их защитников. И все это еще до Октября! Тогда же началось и насилие над духовными лицами, пытавшимися противостоять крестьянской и солдатской стихии. Факты многочисленных ограблений церквей и монастырей, убийств духовенства констатировались на заседаниях Поместного Собора Православной Российской Церкви еще до большевистского восстания[1].

Октябрь принес Церкви неожиданные перемены, прежде всего – экономического характера. Как уже отмечалось, Церковь перестала получать субсидии от государства, лишилась привычных источников доходов: земля, заводы, доходные дома и пр. были национализированы, запрещены принудительные поборы с прихожан. Несмотря на популяризируемые сегодня концепции о якобы идейном противостоянии Церкви и «безбожной» власти, авторы настоящей статьи склоняются к мысли, что корнем проблемы был все-таки имущественный спор, усугубленный *первоначальным* непониманием представителями Церкви конкретики нового формата ее отношений с нарождающейся властью. Да и пробольшевистские силы, главным образом, красноармейские части, на первых порах вели себя весьма разнузданно. Отсюда и трагические случаи середины 1918 – конца 1919 гг., описания которых имеются в литературе[2].

Тем не менее было бы грубой ошибкой предполагать, что террор в эти напряженные полтора военных года коснулся всех (или даже большинство) представителей Церкви. Нынешнее состояние источников позволяет сделать достаточно уверенную оценку реальных масштабов насилия: за первые 10 лет после Февральской революции, т. е. с начала 1917 по конец 1926 г., по всей стране погибло не более 1,6 тыс. православных священнослужителей [13] – это не превышает 2% от их общего числа в рассматриваемые годы. Причем, что важно, мы имеем дело с *верхней оценкой*, т. е. реальное число погибших – меньше. Пик репрессий (порядка 80–90% от общего числа жертв в 1917–1926 гг.) попадает на самую острую фазу Гражданской войны – 1918 и 1919 гг. По ее завершении в 1922 г. насильственная смертность среди священнослужителей резко падает. Современные церковные исследователи по всей стране и в ряде бывших союзных республик собирают информацию о жертвах среди духовенства. Так вот, после 30 лет активных поисков, после изучения более 70 государственных архивов, усилиями тысяч энтузиастов удалось отыскать сведения лишь о 33 убитых священнослужителях за первые 4 послевоенных года – 1923, 1924, 1925 и 1926 гг., причем на 1925 г. пришлось 5 убитых, а на 1926 г. – 3 убитых[3]. И это, подчеркнем, на всю страну, где в описываемое время трудилось около 60 тыс. православных священнослужителей.

Но вернемся к началу 1918 г. – своеобразной точке отсчета, с которой началось «переформатирование» отношений

[1] Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5: Деяния Собора с 1-го по 36-е. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2015. С. 412.

[2] Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. Ю. Фельштинского и Г. Чернявского. М: ТЕРРА – Книжный клуб, 2004. 512 с.

[3] Письмо сотрудника кафедры информатики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного института В. А. Тищенко – Г. Г. Хмуркину от 5 апреля 2018 г.

Церкви и государства. Если поначалу эти процессы выливались в конфронтацию, то уже спустя год-два, к концу 1919 – началу 1920 гг., ситуация стабилизировалась: Церковь, сначала фактически, а потом и юридически, признала и национализацию своего имущества, и свой новый статус. Патриарх Тихон в 1920 г. безоговорочно признал благотворность для внутренней жизни Церкви принципа ее отделения от государства [14, с. 139]. В этом с ним были согласны и простые верующие: в 1919–1920 гг. через Губисполкомы проводилось анкетирование об отношении населения к декрету об отделении Церкви от государства, и анкеты свидетельствовали о том, что ленинский декрет население Советской России в своем подавляющем большинстве поддерживало. Эти данные, имеющие фундаментальное значение для понимания народного самосознания, почти никогда не публиковались[1].

Церковь довольно быстро адаптировалась к новым условиям. Более того, начиная с 1918 г. она имела возможность воплотить в жизнь многое из того нового, что было выработано на эпохальном Поместном Соборе 1917–1918 гг. Новые экономические условия привели к серьезным положительным переменам внутри Церкви. Ее покинули неискренние служители, совершенно преобразились отношения между пастырями и прихожанами, вера стала более сознательной и цельной, а приход – более сплоченным. Об этом церковном и религиозном подъеме, наблюдавшемся с конца 1919-го до второй половины 1920-х гг. писали видные деятели науки, богословы, писатели – Питирим Сорокин, Иринарх Стратонов, Георгий Шавельский, Николай Зернов, Георгий Федотов, Константин Криптон и др. Тем, кто занимается историей Церкви, эти имена хорошо известны. Подчеркнем: речь идет о небольшом промежутке времени с конца 1919 – начала 1920 гг. вплоть до конца 1920-х гг. После «переломного» 1929 г. начинается совершенно новый этап в жизни Церкви, драматические события которого вытеснили из народной памяти религиозный расцвет 1920-х гг.

Подводя итог этому небольшому экскурсу в историю революционных преобразований в сфере отношений Церкви и молодой советской власти, можно сказать, что ни в какие известные нам факты процитированное выше «указание» о якобы тотальном уничтожении священников в Советской России в 1919 г. не вписывается.

Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. После «перестройки» вплоть до настоящего времени государственные архивы систематически публикуют наиболее интересные документы советской эпохи. Практически все они издаются на высоком научном уровне, с надлежащими ссылками, комментариями, справочным аппаратом и т. п. Вопросам деятельности ВЧК и конфессиональной политики посвящены, к примеру, сборники «В. И. Ленин и ВЧК»[2], «В. И. Ленин. Неизвестные документы»[3], «Политбюро и церковь»[4,5], «Красная книга ВЧК»[6], относительно недавно вышел в свет 6-томный сборник «Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.»[7]. Однако ни в одном из них

[1] Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6-ти т. Т. 1. Кн. 1. 1917–1924 гг. Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповедной политики и практика антирелигиозной пропаганды / Отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 57–58.

[2] В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). 2-е изд. М.: Политиздат, 1987. 642 с.

[3] В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. 2-е изд. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 671 с.

[4] Архивы Кремля. Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.–Новосибирск: РОССПЭН – Сибирский хронограф, 1997. 600 с.

[5] Архивы Кремля. Кн. 2: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Новосибирск–М.: Сибирский хронограф – РОССПЭН, 1998. 647 с.

[6] Красная книга ВЧК: в 2-х т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1989. 415 с.

[7] Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6-ти т. Т. 1. Кн. 1. 1917–1924 гг. Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповед-

обсуждаемое «указание» не публиковалось и даже не упоминалось.

В результате долгих поисков издания, которое впервые напечатало «указание», выяснилось следующее. Видимо, первый раз данный текст появился в 1999 г. на страницах «Чудес и приключений» – литературно-художественного журнала-альманаха путешествий, приключений, научных гипотез и фантастики[1]. О низком научном уровне данного журнала (если вообще можно заводить речь о каком-либо научном уровне) говорят уже заголовки публикуемых в нем материалов: «Скандалы в королевском доме», «Магия взгляда», «Схватка с зомби в российском самолете» и т. п. (из этого номера). И тем не менее, о помещенном в журнале «указании» заговорили некоторые даже остепененные исследователи, что выводило его в разряд заслуживающих внимания источников.

Мало того, ни одна из известных публикаций данного «указания» не сообщает место его нахождения – город, архив и т. д. Такая «небрежность» (тем более, что дело касается документа, претендующего на сенсацию) вызывает у профессиональных историков, как минимум, негодование. При обращении во все архивы Российской Федерации, где мог бы храниться этот документ, а именно в: 1) Государственный архив Российской Федерации; 2) Российский государственный архив социально-политической истории; 3) Архив Президента Российской Федерации; 4) Российский государственный архив новейшей истории; 5) Российский государственный исторический архив; 6) Центральный архив Федеральной службы безопасности; 7) Российский государственный военно-исторический архив было установлено, что такого документа нет ни в одном из этих архивов[2].

Работники каждого из перечисленных учреждений предлагали нам обратиться в другие, но их рекомендации замыкались на вышеуказанном списке.

Необходимо отметить еще одну важную деталь. В тексте документа прослеживаются фактические неувязки, а именно, 1 мая 1919 г., когда якобы появилось это «указание», Калинин отсутствовал в Москве. Еще 29 апреля Михаил Иванович отправился в командировку по стране в качестве председателя ВЦИК и возвратился в столицу лишь 18 мая [11, с. 131–133]. Наконец, в партийном делопроизводстве РСФСР и СССР никогда не существовало документов под названием «Указание»[3].

Отмеченные факты говорят о том, что данный текст является довольно грубым фальсификатом 1990-х гг., частичное введение которого в научный оборот невозможно квалифицировать иначе как досадное недоразумение.

Телеграммы в Пензу

Другой, тоже часто цитируемый текст – это телеграмма 1918 г., в которой Ленин призывал к «беспощадному массовому террору против кулаков, попов и белогвардейцев»[4].

Стоит оговориться, что приведенное распоряжение предсовнаркома в советское время не было «тайной за семью печатями» и неоднократно публиковалась в общедоступных источниках, причем не только в Полном собрании сочинений Ленина[5]. Тем не менее, в 1990-х гг. эта вы-

ной политики и практика антирелигиозной пропаганды / Отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 646 с.

[1] Назаров Г. Какое-то безумие тлело в нем... // Чудеса и приключения. 1999. № 6. С. 37.

[2] Письма Г. Г. Хмуркину от: директора РГАНИ Н. Г. Томилиной от 16 сентября 2015 г.; заместителя директора РГАСПИ А. В. Травниковой от 24 сентября 2015 г.; заместителя начальника департамента по обеспечению деятельности АП РФ И. Кузнецовой от 14 сентября 2015 г.; заместителя начальника ЦА ФСБ РФ А. И. Шишкина от 18 сентября 2015 г.; начальника отдела научно-информационной и справочной работы ГАРФ Л. Н. Малашенко от 1 октября 2015 г.; сотрудника РГВИА от 10 мая 2016 г.; сотрудника РГИА от 22 июня 2016 г.

[3] Письмо заместителя директора РГАСПИ А. В. Травниковой – Г. Г. Хмуркину от 24 сентября 2015 г.

[4] Телеграмма Пензенскому губисполкому, 9 августа 1918 г. // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (ППС). Т. 50. С. 143.

[5] См. также: Бош Е. Встречи и беседы с Владимиром

хваченная из контекста фраза неожиданно стала «сенсационным открытием» и чуть ли не главным «доказательством» якобы беспримерной жестокости Владимира Ильича. Отдельные авторы ссылались на телеграмму, ничего не поясняя и выставляя дело так, будто в этой резкой и лаконичной формулировке выражено все ленинское мироощущение. Увы, нашлись и те, кто поверил в этот далекий от объективного положения вещей тезис. Столь странный поворот событий объясняется тем, что большинство советских людей, особенно в последние десятилетия существования СССР, не проявляли интереса к первоисточникам ленинского наследия и знали о Гражданской войне лишь то, что афишировала неизбежно упрощенная, не вдававшаяся в детали пропаганда.

В то же время знакомство с обстоятельствами, которые привели к появлению обсуждаемой телеграммы, а также с характером действий Ленина и его корреспондентов, расставляет все на свои места[1,2,3,4]. Разумеется, никаких общегосударственных идейно-политических установок в ней не было. Это был текст, родившийся в критической ситуации, привязанный к конкретному месту и времени. Что же случилось?

Весной–летом 1918 г. в Петроград и Москву прекратились поставки продовольствия. Нарушилась транспортная связь с традиционными хлебными областями: Украина оказалась под властью немецких оккупантов, пути от Поволжья и Сибири были отсечены линией фронта Гражданской войны, прервано сообщение с южными областями страны. В обеих российских столицах начался голод. По наблюдениям очевидца, в мае 1918 г. в Петрограде редко можно было увидеть лошадей, часть их подохла, часть съедена; не припоминал он, чтобы где-нибудь встречались кошки или собаки, «предприимчивые люди и их использовали»; по целым неделям рабочим не выдавалось ни фунта картофеля или хлеба, только орехи и семечки, причем зачастую рабочие заступали на работу голодные и изможденные и стояли за станками до тех пор, пока не падали в обморок[5].

Дело шло о жизнях десятков, если не сотен тысяч человек. Требовались срочные и решительные меры. Одной из важнейших на тот момент губерний по обеспечению хлебом Москвы и Петрограда была Пензенская губерния, в которой летом 1918 г. были определенные хлебные резервы (излишки). Однако среди крестьян-пензяков, плохо осведомленных о мероприятиях советской власти, антибольшевистскими силами велась интенсивная агитация, распространялись слухи о том, что Ленин «продался немцам» и т. п. В результате крестьяне категорически отказывались ссыпать хлеб советским работникам.

Попытки мирным путем изъять излишки к успеху не привели. Мало того, возмущение вылилось в вооруженный мятеж, в ходе которого 8 человек, пытавшихся вывезти хлеб в столицы, были зверски убиты. В течение нескольких дней восстание перекинулось на 5 уездов. Ситуация многократно осложнялась по той причине, что всего в 15 км от губернского центра проходила линия фронта, и хлеб, жизненно необходимый Москве и Петрограду, вот-вот мог окончательно оказаться в руках «белых». Любое промедление со стороны советских и партийных работников – как в центре, так и в Пензе – могли обернуться дальнейшими человеческими жертвами. Дело усугублялось еще одним обстоятельством: пензенские большевистские

Ильичем (1915–1918 гг.) // Пролетарская Революция. 1924. № 3 (26). С. 168.

[1] См.: Ленин. ПСС. Т. 50. С. 68–181.

[2] Бош Е. Встречи и беседы с Владимиром Ильичем (1915–1918 гг.) // Пролетарская Революция. 1924. № 3 (26). С. 166–169.

[3] В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. 2-е изд. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 246–247.

[4] Каюров В. Мои встречи и работа с В. И. Лениным в годы революции (1917–1921 гг.) // Пролетарская Революция. 1924. № 3 (26). С. 37–47.

[5] Там же. С. 37–38.

организации – тогда еще немногочисленные и не вполне оформленные – в этой сложной ситуации демонстрировали нерешительность и бездействовали. Ленин, не сразу узнавший об этих местных особенностях, несколько недель направлял в Пензу телеграммы с суровыми предписаниями и выговорами, среди них была и обсуждаемая телеграмма. Только после этих личных указаний Владимира Ильича пензенцы «зашевелились». Вне всяких сомнений, резкий, устрашающий тон был выбран Лениным намеренно – иначе послания не достигли бы цели. В итоге: 13 организаторов восстания и непосредственных исполнителей убийства расстреляны; в охваченные волнениями уезды направлены агитаторы, наладившие контакт с местными жителями; опасность возобновления стихийных выступлений устранена. Кроме упомянутых 13 человек, никаких других жертв не было.

Заметим, что о духовенстве в ленинских телеграммах в Пензу упоминалось лишь однажды – в самом начале переписки. В других телеграммах в качестве опасных элементов выделялись только «кулаки» и белогвардейцы, причем среди 13 расстрелянных был всего 1 представитель духовенства[1]. Вряд ли подобная акция может быть расценена как «массовый террор против попов».

Характерной особенностью ряда публицистических работ является отождествление наличного текста распоряжения и последовавших за ним действий. Однако история знает массу указаний, которые так и остались на бумаге. Вполне очевидно, что резкие выражения Ленина («повесить», «расстрелять» и т. п.), встречающиеся в его трудах, нельзя воспринимать во всех случаях буквально. Да и близкие сотрудники Владимира Ильича не интерпретировали их буквально. Так, например, в одном из своих частных писем он писал, что за неспособность предавать гласному суду за волокиту весь комиссариат юстиции «надо вешать на вонючих веревках»[2]. Никаких фактов массовых повешений сотрудников Наркомюста историкам не известно, к тому же ряд видных работников тогдашнего комиссариата дожили до преклонных лет. Другой пример: близкий друг и соратник Ленина, нарком просвещения А. В. Луначарский рассказывал в 1924 г. о записке, на полях которой красным карандашом была написана (и несколько раз подчеркнута) фраза о необходимости выработать некую программу, а если ее до сих пор нет, то «повесить Луначарского, и подпись – *В. И. Ленин*»[3].

Программа, о которой говорил Владимир Ильич, не была к тому моменту подготовлена, и нарком просвещения теоретически мог оказаться на виселице. Однако умер он много позднее, в 1933 г., обычной смертью. «Это была шутка, – пояснял Луначарский тогда же, в 1924 г., – но мы знали, что это есть несомненно важное указание [Ленина], – здесь, мол, ты ошибаешься»[4]. Не может быть сомнений в том, что произносились подобные грозные выражения чаще всего именно для того, чтобы «встряхнуть» тех, кто не осознает серьезности момента и бездействует. Гигантский объем работы и напряжение ответственности, которую нес Ленин, естественным образом предполагали, что в некоторых, наиболее сложных ситуациях он не мог допустить промедления и неисполнения указаний ценой формального соблюдения «дипломатических норм». Ленин был знатоком душ и человеком действия, и потому писал, рассчитывая на определенный эффект – совершенно конкретную реакцию и действия, которые будут предприняты конкретным лицом по прочтении распоряжения.

[1] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1: 1918–1922 гг. Под ред. А. Бреловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 307.

[2] П. А. Богданову, 21 декабря 1921 г. // Ленин. ПСС. Т. 54. С. 87.

[3] Луначарский А. В. Человек Нового Мира. Сост. И. А. Луначарская. Под общ. ред. А. И. Титова. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1976. С. 38.

[4] Там же.

Все эти принципиальные соображения следует учитывать, обращаясь к ленинскому наследию, в том числе при работе с документами, которые относятся к еще одному драматическому эпизоду – изъятию церковных ценностей в 1922–1923 гг.

Изъятие церковных ценностей

Разразившаяся в 1920 и 1921 гг. засуха, вызвавшая неурожай, и хозяйственная разруха послевоенного времени привели к страшному голоду 1921–1922 гг., который охватил более 30 губерний: Поволжье, Крым, юг Украины, Северный Кавказ, Южный Урал – всего около 33 миллионов человек. Люди сходили с ума, теряя человеческий облик, распространялся каннибализм, из могил выкапывались трупы. Жертвами голода и сопутствующих ему эпидемий стали миллионы людей. Тяжесть положения усугублялась тем, что в стране более чем наполовину был израсходован золотой запас, без которого невозможны были ни хозяйственное развитие, ни завоевание молодой советской Россией жизненно важных экономических позиций в мире.

В этих тяжелейших условиях советская власть предпринимала отчаянные шаги по спасению граждан. Публиковались воззвания к крестьянам не охваченных бедствием районов Украины, принималась помощь от Германии, Франции, Чехословакии и др. Однако всех этих мер было недостаточно.

Один из выходов виделся в продаже за границу материальных ценностей – золота, серебра, драгоценных камней, находившихся в распоряжении религиозных организаций. В начале 1922 г. появился декрет об изъятии церковных ценностей, имевший в виду все вероисповедания[1]. Согласно этому документу, изъятие должно была коснуться только тех предметов, отсутствие которых не отразилось бы на богослужениях[2], причем проводить изъятие требовалось с обязательным привлечением верующих[3]. Столичная комиссия предписывала во время изъятия ценностей из православных храмов соблюдать церковные обычаи – во время изъятия снимать головные уборы, не входить в алтарь женщинам[4] и т. п.

Ввиду того, что в России наиболее крупной и влиятельной религиозной организацией была Православная Церковь, декрет в первую голову распространялся на имущество, которым распоряжалась она. За многие века Церковь собрала значительные богатства в виде драгоценного убранства храмов и церковной утвари. Стоит оговориться, что к 1922 г. все здания, церковная утварь и др., которыми пользовались верующие и духовенство, были национализированы, т. е. представляли собою собственность государства, а миряне пользовались ею, подписывая соответствующие договоры с местной властью.

Появление декрета об изъятии ценностей среди некоторых слоев российского населения вызвало недовольство. Патриарх Московский и всея России Тихон, тогдашний глава Церкви, назвал действия большевиков святотатством и призвал верующих к сопротивлению. В ряде населенных пунктов начались протесты.

Первое кровавое столкновение мирян-активистов с представителями власти произошло в г. Шуя (Иваново-Вознесенская губерния) 15 марта 1922 г. Проинформированный об этом событии, Ленин написал знаменитое письмо, в котором высказал мысль о необходимости предельно быстрого и сурового подавления сопротивления (как тогда казалось, организованного и руководимого из некоего центра). «Именно теперь, – настаивал

[1] «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. Документы. Под ред. А.Н.Артизова, В.С.Христофорова. М.: МФ «Демократия» – Материк, 2008. С. 37–38.

[2] Там же. С. 38.

[3] Там же.

[4] Архивы Кремля. Кн. 2: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Новосибирск–М.: Сибирский хронограф – РОССПЭН, 1998. С. 124.

Владимир Ильич, – и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления»[1]. При этом, по мнению Ленина, «изъятие ценностей, в особенности, самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей *реакционного* (выделено нами. – *Л. И.* и *Г. Х.*) духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»[2]. Решительный тон письма полностью соответствует взглядам и предложениям Троцкого в тот период, именно его глазами Владимир Ильич «видел» всю ситуацию с изъятием церковных ценностей в стране; об этом свидетельствует вся совокупность имеющейся на сегодняшний день информации[3].

Как бы то ни было, приведенное письмо весьма красноречиво. Оно наполнено напряжением всех сил для выполнения главной на тот момент задачи – *спасения человеческих жизней*. Да, ценой жертв, но, очевидно, во много раз меньших, нежели те, что прогнозировались или уже стали фактом.

На протяжении многих десятилетий среди деятелей русской эмиграции бытовало представление, что за ленинским письмом последовало огромное число кровавых стычек верующих с представителями властями и множество смертных приговоров на состоявшихся за ними судах. Называвшееся при этом число жертв колебалось от нескольких десятков человек [7, с. 228] до 140 тыс. человек [3, с. 98]. Однако новейшие исследования со всей определенностью показали, что ни одна из фигурирующих в литературе цифр, вызванных изъятием, не имеет под собой сколь-нибудь серьезной источниковой базы, а реальное число погибших в ходе кампании представителей духовенства составляет от силы несколько десятков человек[4]. В большинстве регионов (Владимирская, Тамбовская, Орловская, Псковская, Архангельская губернии, Тверская, Уфимская, Пермская, Тобольская епархии, Нижнее Поволжье, Донская область, весь Урал, Кольский Север, Карелия, Алтай, Башкирия, Чувашия, Кузбасс, весь Дальний Восток и др.) вообще *не было ни погибших в столкновениях, ни расстрелянных*, ввиду того, что процесс изъятия ценностей там проходил в целом достаточно спокойно.

Отношения между Лениным и священнослужителями

Проведенный анализ показывает, что распространенный взгляд, согласно которому Ленин якобы приказывал уничтожать духовенство как таковое (за принадлежность Церкви, за веру в Бога и т. п.), не имеет отношения к исторической реальности. Неизвестно ни одного документа, подтверждающего это расхожее мнение. Патриарх Тихон, высказываясь в 1919 г. по поводу так называемых «гонений» на представителей духовенства, недвусмысленно замечал, что все они, за весьма немногими исключениями, имели место *только потому*, что служители Церкви попадали под подозрение властных органов в скрытой контрреволюции, нацеленной якобы на свержение советской власти[5]. Сегодня опубликованы все

[1] В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. 2-е изд. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 516–517.

[2] Там же. С. 518.

[3] Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6-ти т. Т. 1. Кн. 1. 1917–1924 гг. Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповедной политики и практика антирелигиозной пропаганды / Отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 80.

[4] Хмуркин Г.Г. Реальное число жертв изъятия церковных ценностей в 1922–1923 гг. // Вопросы истории. 2018. № 10. С. 40–51.

[5] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского

выявленные содержательные ленинские документы, и в них отсутствуют призывы к искоренению религиозности насильственным путем и истреблению духовенства как такового. Сам факт появления фальшивого «Указания № 13666/2» в 1990-х гг. свидетельствует о том, что у оппонентов Ленина не нашлось против него никаких реальных «улик».

Единичные тексты, в которых Ленин говорил о суровых мерах в отношении духовенства, были исключительно *ситуативными* — привязанными к конкретным обстоятельствам, как правило, чрезвычайно сложным, в которых решалась не просто судьба, а жизнь сотен и тысяч людей. В иных же условиях Владимир Ильич проявлял обычную заботу о людях, вне зависимости от их принадлежности или непринадлежности к духовному сословию.

Так, в разгар Гражданской войны, в 1918 и 1919 гг., Ленину не единожды приходили телеграммы верующих, в которых содержались просьбы, связанные с освобождением от призыва местных священников на военную службу, от ареста и т. п. На все известные нам подобные запросы Владимир Ильич реагировал одинаково – вникал в эти, казалось бы, частные вопросы, выяснял, что произошло, поручал их решение соответствующим уполномоченным лицам, обязывал соответствующие инстанции проводить дополнительные проверки, отчитываться[1,2,3]. Ряд фактов.

В Новгородской губернии (март 1919 г.) местные «чекисты» арестовали священника В. Пятницкого. Ему было предъявлено обвинение в неподчинении советской власти, избиении должностных лиц и т. п. К. Пятницкий, брат этого священника, осознавая, что местные сотрудники ЧК вряд ли станут вникать в суть дела, отправил письмо Владимиру Ильичу. В нем он, в частности, отметил невысокий культурный уровень местных властей, для которых одно ношение рясы «есть уже преступление»[4]. Очевидно, Ленина не мог не возмутить столь абсурдный подход. В итоге священника освободили.

Другой факт. В апреле 1919 г. Ленину подали копию телеграммы верующих Могилева по поводу ситуации со священником П. Бруевичем, арестованным могилевскими чекистами. Заявители убеждали Владимира Ильича в ложности вменяемых священнику обвинений и просили выпустить его на свободу – «ввиду наступления праздников, необходимости совершения богослужения». Ленин доброжелательно отнесся к данной просьбе и потребовал пересмотреть дело, а для того, чтобы проверка была объективной, рекомендовал привлечь к делу одновременно две инстанции – ВЧК и Президиум ЦИК[5,6,7].

Очередной случай. В том же 1919 г. Владимиру Ильичу пришла телеграмма с просьбой освободить арестованного епископа Михея из Калуги. Ленин вмешался и инициировал проверку, и выяснилось, что архиерей арестован в качестве заложника и на нем не было вины. Епископ был отпущен [1, с. 103].

Эпизод 2 года спустя. В середине 1921 г. Ленин направляет в ЧК записку со срочным запросом касательно причин ареста иерея А. И. Боярского и возможности его освобождения. И хотя поначалу ответ ЧК был отрицательным, поз-

и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. М.: ПСТБИ, 1994. С. 163.

1 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. М.: Политиздат, 1975. С. 312–313, 332, 426–427, 507.

2 Там же. Т. 7. М.: Политиздат, 1976. С. 82.

3 В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М.: Политиздат, 1975. С. 188.

4 В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). 2-е изд. М.: Политиздат, 1987. С. 136–137.

5 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. М.: Политиздат, 1976. С. 82.

6 В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М.: Политиздат, 1975. С. 188.

7 В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). 2-е изд. М.: Политиздат, 1987. С. 152.

же священник все-таки был выпущен на свободу[1,2,3].

Ленин восставал против грубых и незаконных действий по отношению к духовенству. Так, осенью 1918 г. в Николо-Угрешском мужском монастыре произошел возмутительный инцидент: во время богослужения в храм вошла группа неизвестных с револьверами и, угрожая бывшему митрополиту Макарию, начала в оскорбительной форме узнавать у него место хранения «капиталов» и ценных богослужебных предметов. Захватив с собой некоторые ценности, группа приступила к обыску других монастырских помещений, в том числе келий начальствующих лиц монастыря, после чего преступники скрылись. Услышав о данном инциденте, Владимир Ильич письменно потребовал от народного комиссара юстиции Д. И. Курского незамедлительно назначить строжайшее судебное следствие и просил уведомлять его о ходе следствия[4]. Примечательно, что этот факт не упоминался ни в одном из изданий Полного собрания сочинений Ленина.

Неожиданным и отчасти даже курьезным может показаться история с сельским священником С. Бурыкиным. Весной 1919 г. у него было изъято личное имущество – белье, одежда, сундучок жены. Владимир Ильич вникает и в такой, вроде бы, совсем малозначительный случай, требуя от сотрудников местного исполкома немедленно проверить и дать ему ответ[5].

Приводя данные примеры, следует оговориться, что свидетельств о противоположных по характеру действиях Ленина в подобных ситуациях – когда он, скажем, мог требовать ареста или расстрела священника без всякой «судебной волокиты», исследователям неизвестно.

Такая систематически проявляемая забота о духовенстве, несомненно, осложняла взаимодействие Ленина с определенными слоями коммунистов, придерживающихся леворадикальных позиций в вопросе религии и Церкви. Стоит пояснить, что внутри большевистской партии по этому пункту не было единства. Даже по завершении Гражданской войны одна группировка (Ф. Э. Дзержинский, Е. М. Ярославский, П. А. Красиков и др.) видела в Церкви «остатки» Старого Мира, по отношению к которым следовало проводить жесткую политику, направленную на разложение и разрушение. Другая группировка (М. И. Калинин, А. В. Луначарский, В. Д. Бонч-Бруевич и др.) придерживалась значительно более мягких взглядов, усматривая в религиозных организациях потенциал к социалистическому строительству. В этом противоборстве Ленин исполнял роль своего рода «арбитра», и, не обладая абсолютной властью над умами дискутирующих, вынужден был считаться с мнением как одного, так другого лагеря. Однако можно констатировать, что его линия в целом была направлена на смягчение «антирелигиозного пыла» однопартийцев. Вспомним хотя бы реакцию Владимира Ильича на проект постановления Пленума от 16–18 мая 1921 г., в котором осуждался прием в партию людей, не порвавших с религией[6]. В ответ Ленин настаивал на оставлении в партии верующих, лишь бы они были заведомо преданными и честными коммунистами[7]. Необходимо признать, что

[1] В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М.: Политиздат, 1975. С. 489, 491.

[2] В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). 2-е изд. М.: Политиздат, 1987. С. 451, 452.

[3] Ленинский сборник. XXXVII. М.: Политиздат, 1970. С. 311.

[4] Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России. Октябрь 1917–1918 г. Сб. документов. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. С. 451.

[5] Ленинский сборник. XXXVIII. М.: Институт Ленина при ЦК ВКП(б), Партиздат, 1975. С. 254.

[6] Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6-ти т. Т. 1. Кн. 1. 1917–1924 гг. Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповедной политики и практика антирелигиозной пропаганды / Отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 146–150.

[7] Предложения к проекту Постановления Пленума ЦК РКП(б) о пункте 13 Программы партии // Ленин. ПСС. Т. 54. С. 440.

широта мировоззрения и утонченность мысли Ленина, осознававшего стратегическую ценность надрелигиозного и наднационального единства для будущего, далеко не всегда находили понимание и поддержку среди его окружения.

В завершении статьи хотелось бы привести несколько цитат, касающихся религиозной жизни страны в послевоенный период, а также отклики крупнейших деятелей Церкви на смерть Ленина.

Иринарх Аркадьевич Стратонов – профессор-историк Казанского университета, автор ряда трудов по истории Церкви; в 1922 г. был выслан большевиками из России. Очевидец многих событий, он отмечал, что к 1920 г. в Москве и на местах в церковных организациях водворился порядок и даже получилась какая-то внутренняя спайка:

«Местная церковная жизнь стала устраиваться, – писал Стратонов. – Рос и креп авторитет церковной власти, установленные Поместным Собором (1917–1918 гг. – *Л.И.* и *Г.Х.*) органы, как центральные, так и местные, начали действовать вполне нормально, и между ними установились известные взаимоотношения, предусмотренные последним церковным законодательством.

Нельзя не отметить и общерелигиозного подъема в массах. Храмы наполнились молящимися… <…> Церковные праздники привлекали колоссальное количество народа. Церковная жизнь к 1920 году восстановилось полностью, а может быть даже превзошла старую, дореволюционную. Вне всякого сомнения, что внутренний рост церковного самосознания верующего русского общества достиг такой высоты, равной которой не было за последние два столетия в русской церковной жизни. *Церковная власть в церковном обществе, которое в значительной степени она церковно воспитала, встала на недосягаемую высоту*»[1].

По замечанию издателей работы И. А. Стратонова – сотрудников Крутицкого Подворья, он обладал «ясным церковным сознанием и способностью трезво оценивать события»[2].

Георгий Петрович Федотов – крупный философ, тоже историк Церкви, ориентировавшийся в своих трудах на ортодоксальное православие. С 1917 до 1925 г. жил в России, затем оказался в эмиграции и уже будучи за границей, в 1926 г., по свежим воспоминаниям записывал:

«Вся ли Россия проходит азбуку атеизма и американизма? Этому противоречит хотя бы *всеми отмечаемый* (курсив наш. – *Л. И.* и *Г. Х.*) расцвет церкви и православного быта. Кто же в России ходит в церковь?

Уже сразу бросается в глаза – по крайней мере, в городе, – как много в храмах бывшей интеллигенции. И не только выбитых из жизни стариков, но и молодежи, активно строящей новую Россию. Знакомство с этой христианской молодежью сразу вскрывает в ней знакомые черты: да это все былые народники, вчерашние эсеры! Быть может, без прежней удали, с большей сдержанностью и строгостью, – но с тем же энтузиазмом. Воочию видишь: наконец-то поколения “святых, неверующих в Бога” нашли своего Бога и вместе с Ним нашли себя…»[3].

Полагаем, совершенно закономерно, что в 1924 г. Патриарх Тихон, причисленный Русской Православной Церковью к лику святых, произнес такие слова об ушедшем из жизни вожде революции:

«…всякий верующий имеет право и возможность поминать его.

Идейно, мы с Владимиром Ильичем Лениным, конечно, расходились, но я имею сведения, о нем, как о человеке добрейшей и поистине христианской души»[4].

[1] Из истории христианской церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. Сборник. Кн. 5. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С. 36.

[2] Там же. С. 6.

[3] О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский, П. А. Сорокин, Г. П. Федотов, Г. В. Флоровский. М.: Наука, 1990. С. 441–442.

[4] Вечерняя Москва. № 20 (40). 1924. 25 янв. С. 3.

А Священный Синод – совещательный орган при российском Патриархе – в дни скорби обратился к М. И. Калинину с письмом:

«Священный синод российской православной церкви выражает вам искреннейшее сожаление по случаю смерти великого освободителя нашего народа из царства векового насилия и гнета, на пути полной свободы и самоустроения.

Да живет же непрерывно в сердцах оставшихся светлый образ великого борца и страдальца за свободу угнетенных, за идеи всеобщего подлинного братства, и ярко светит всем в борьбе за достижение полного счастья людей на земле. Мы знаем, что его крепко любил народ. Пусть могила эта родит еще миллионы новых Ленинов и соединит всех в единую великую братскую, никем неодолимую семью. И грядущие века да не загладят из памяти народной дорогу к этой могиле, колыбели свободы всего человечества. <…>

Вечная память и вечный покой твоей многострадальной, доброй и христианственной душе»[1].

Заключение

Таким образом, строгий подход к анализу источников и публикаций, касающихся периода становления советской власти, позволяет сделать вывод о несостоятельности точки зрения, согласно которой первые послереволюционные годы ознаменовались массовым уничтожением («геноцидом») православного духовенства. Данная точка зрения базируется на фальшивом документе, именуемом «Указание № 13666/2», а также однобокой трактовке единичных ситуативных ленинских распоряжений. В действительности, в период с 1917 по 1926 гг. число погибших среди священнослужителей – наиболее пострадавшей категории духовенства – не превышало 2% от общего числа священнослужителей в эти годы.

Преобразования, коснувшиеся церковной жизни после революции, по мнению верующих и многих священнослужителей, вплоть до Первоиерарха, носили положительный характер, а отношения, сложившиеся между Лениным и духовенством (не афишируемые в историографии позднейшего периода), можно обозначить в целом как доброжелательные. Трансформации, пережитые Церковью после 1917 г., привели множество людей в ее ограду, освободили клир от неискренних проповедников, изменили внутренний климат в низовой ячейке церковного сообщества – приходе, что позволило целому ряду выдающихся современников охарактеризовать краткий промежуток с рубежа 1919/20 гг. до конца 1920-х гг. как период религиозного расцвета.

Разумеется, трансформации коснулись не только религиозной сферы. Деятельность Ленина определила новый геополитический расклад, способствовала сохранению российского государства, выводу его на совершенно новую траекторию развития, не исключавшую в то же время определенную преемственность. Политические решения Ленина невозможно осмыслить без решений Ивана III, Петра I, Екатерины II, Александра I и других российских правителей, а точнее, без целой череды действий, направленных на обеспечение целостности и безопасности государства, укрепления его международных позиций, стабилизации внутренних процессов [5].

[1] Правда. № 20. 1924. 25 янв. С. 3.

Статья поступила в редакцию 18.03.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. 400 с.
2. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Динамика исторического сознания российского населения в постсоветский период (окончание) // Вопросы истории. 2019. № 12 (2). С. 4–18.
3. Бунич И. Л. Полигон Сатаны. СПб.: Шанс, 1994. 640 с.
4. Вострышев М. Патриарх Тихон. М.: Молодая гвардия, 2009. 383 с.
5. Ивашов Л. Г. Архетип человека и будущее человечества // Берегиня.777.Сова. 2014. № 2 (21). С. 111–116.
6. Ивашов Л. Г. Украина на геополитических перекрестках // Обозреватель – Observer (научно-аналитический журнал). 2014. № 4 (291). С. 5–10.
7. Криптон К. Защита канонов православия, 1922–1925. По личным наблюдениям, документам и литературным данным // Вестник русского христианского движения. Париж – Нью-Йорк – Москва. 1979. № 128. С. 218–243.
8. Назаров Г. Какое-то безумие тлело в нем… // Чудеса и приключения. 1999. № 6. С. 34–37.
9. Назаров Г. А. Мифы советской эпохи. М.: Алгоритм, 2007. 368 с.
10. Синицын Ф. Л. «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб.: Изд. А. А. Терентьева, 2013. 528 с.
11. Толмачев А. Калинин. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1974. 240 с.
12. Хмуркин Г. Г. Реальное число жертв изъятия церковных ценностей в 1922–1923 гг. // Вопросы истории. 2018. № 10. С. 40–51.
13. Хмуркин Г. Г. Сколько священнослужителей РПЦ погибло в 1917–1926 гг.? // Вопросы истории. 2019. № 10. С. 178–198.
14. Harrison M. Marooned in Moscow. Montpelier: Russian Life Books, 2011. 312 p.

REFERENCES

1. Alekseyev V. *Illyuzii i dogmy*. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 400 p.
2. Bagdasaryan V., Resnyanskiy S. [The dynamics of the historical consciousness of the Russian population in the post-Soviet period]. In: *Voprosy istorii*, 2019, no. 12 (2), pp. 4–18.
3. Bunich I. *Poligon Satany*. St-Petersburg, Shans Publ., 1994. 640 p.
4. Vostryshev M. *Patriarkh Tikhon*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2009. 383 p.
5. Ivashov L. [The archetype of man and the future of mankind]. In: *Bereginya*. 777. Sova, 2014, no. 2 (21), pp. 111–116.
6. Ivashov L. [Ukraine at geopolitical crossroads]. In: *Obozrevatel' – Observer*, 2014, no 4 (291), pp. 5–10.
7. Kripton K. [Defense of the canons of Orthodoxy, 1922–1925. According to personal observations, documents and literature data]. In: *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya*, 1979, no. 128, pp. 218–243.
8. Nazarov G. [Some kind of madness smoldered in him ...]. In: Chudesa i priklyucheniya, 1999, no. 6, pp. 34–37.
9. Nazarov G. *Mify sovetskoy epokhi*. Moscow, Algoritm Publ., 2007. 368 p.
10. Sinitsyn F. *«Krasnaya burya». Sovetskoye gosudarstvo i buddizm v 1917–1946 gg*. St-Petersburg, A. A. Terent'yev Publ., 2013. 528 p.
11. Tolmachev A. *Kalinin*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1974. 240 p.
12. Khmurkin G. [*The actual number of victims of the seizure of church property in 1922–1923*]. In: *Voprosy istorii*, 2018, no. 10, pp. 40–51.
13. Khmurkin G. [How many clergy of the Russian Orthodox Church died in 1917–1926?]. In: *Voprosy istorii*, 2019, no. 10, pp. 178–198.
14. Harrison M. Marooned in Moscow. Montpelier, Russian Life Books, 2011. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ивашов Леонид Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, президент Академии геополитических проблем;
e-mail: academiagp@yandex.ru

Хмуркин Георгий Георгиевич – соискатель, Институт российской истории РАН;
e-mail: hmurkin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leonid G. Ivashov – Doctor in Historical sciences, President of the Academy of Geopolitical Issues;
e-mail: academiagp@yandex.ru

Georgy G. Khmurkin – Applicant, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;
e-mail: hmurkin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ивашов Л. Г., Хмуркин Г. Г. К вопросу об отношении В. И. Ленина к православному духовенству после октября 1917 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 35–50.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-35-50

FOR CITATION

Ivashov L., Khmurkin G. The problem of V. I. Lenin's attitude towards the Orthodox clergy after 1917. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences,* 2020, no. 2, pp. 35–50.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-35–50